

На правах рукописи

КУЧИНА Елена Александровна

**КАТЕГОРИЯ МОЛИТВЫ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» на кафедре истории русской литературы и теории литературы.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мосалева Галина Владимировна

Официальные оппоненты: Кошемчук Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет»,
заведующая кафедрой международной
деловой лингвистики.

Житкова Людмила Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина», доцент кафедры
русской литературы.

Ведущая организация: АОУ ВПО «Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина», г. Санкт-
Петербург (г. Пушкин).

Защита состоится «23» декабря 2013 г. в «10.00» часов на заседании
диссертационного совета 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, зал заседания
диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина».

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Личность и творчество А. С. Пушкина являются в России символом культуры, вобравшей в себя достижения национальной и западноевропейской духовной и интеллектуальной жизни и сохранившей свою самобытность, основанную на православно-христианском миропонимании, что так исчерпывающе точно выразил А. А. Григорьев «Пушкин — наше все» («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859)). Феномен всемирной отзывчивости Пушкина состоит в непосредственной открытости творческому духу, умении вбирать в себя и применительно к отечественной аксиологической парадигме преобразовывать мировой культурно-исторический и духовно-нравственный опыт.

Актуальность диссертации определяется недостаточной изученностью литературной молитвы как в творчестве А. С. Пушкина, так и в русской словесности вообще, связанной с доминантным для отечественной культуры типом православно-христианской духовности; попыткой целостного восприятия «молитвенной» поэзии Пушкина, что позволяет расширить и обогатить представление о поэтике Пушкина; необходимостью применения адекватной предмету исследования методологии, общепилологических, литературоведческих и богословских категорий, позволяющих более глубоко и всесторонне изучить предмет исследования.

При анализе «молитвенного» текста Пушкина может естественно возникнуть ощущение некой идилличности в рассмотрении как художественного мира Пушкина, так и самого поэта. Но стоит учесть тот факт, что сам предмет изучения ориентирует нас на возвышенную, благородную перспективу поэтической мысли и особенный корпус текстов. В «молитвенной» поэзии Пушкин показал самое утонченное направление духовной культуры.

Предметом нашего исследования является категория молитвы в поэзии Пушкина.

Объектом исследования данной работы стали функции и семантика молитвы в поэзии Пушкина.

Материалом для исследования послужила поэзия Пушкина: стихотворения, поэмы, роман в стихах, сказки.

Целью диссертации является изучение влияния категории молитвы как субстанциального элемента православной модели мира на поэзию Пушкина. Для осуществления этой цели мы сформулировали следующие **задачи**:

1) определить масштаб использования категории молитвы в поэзии Пушкина;

2) систематизировать поэтические тексты, включающие в себя молитву;

3) изучить характер молитв, выделить их репрезентативные типы, проследить динамику эволюции «молитвенных» текстов Пушкина;

4) рассмотреть корпус текстов Пушкина, включающих в себя молитву, в том числе черновые варианты и редакции в связи с их мотивно-тематическими комплексами, структурно-содержательными элементами;

5) определить генетические и типологические особенности воплощения категории молитвы и тем самым раскрыть специфику отражения православной аксиологии через жанровые, сюжетно-композиционные, характерологические, стилевые предпочтения Пушкина;

6) уточнить параметры поэтики Пушкина в связи с полученными результатами.

Методологическая и теоретическая основа. При написании диссертации, помимо литературоведческих методов и подходов — сравнительно-исторического, генетического, типологического, герменевтического, — применялись знания, выработанные другими гуманитарными науками (культурологией, историей России, богословием, гимнографией), входящими с литературоведением в область междисциплинарного диалога и способствующими достижению цели исследования.

Философской и богословской основой работы послужили труды С. Н. Булгакова, Ф. И. Буслаева, П. Н. Евдокимова, И. А. Ильина, Л. А. Успенского, П. А. Флоренского, протоиер. Г. Флоровского, С. Л. Франка, а также святоотеческие труды православных аскетов: свт. Григория (Нисского), свт. Игнатия (Брянчанинова), свт. Иоанна Златоуста (Иерусалимского), прп. Иустина (Поповича), свт. Симеона (Солунского), свт. Феофана Затворника (Говорова).

Теоретической основой диссертации явились работы С. С. Аверинцева, А. Н. Веселовского, И. А. Есаулова, Д. С. Лихачева, В. А. Котельникова, Т. А. Кошемчук, А. Ф. Лосева, В. В. Лепахина, Г. В. Мосалевой, А. В. Моторина, М. Ф. Мурьянова, В. Н. Топорова, А. Н. Ужанкова, В. Е. Хализева, а также историко-литературные исследования критиков и ученых-пушкинистов: П. В. Анненкова, М. О. Гершензона, А. А. Григорьева, Н. П. Жилиной, О. А. Иост, Т. Г. Мальчуковой, В. С. Непомнящего, М. А. Новиковой, И. З. Сурат, И. Ю. Юрьевой.

Основные положения, научная новизна исследования определяются в связи с задачей целостного рассмотрения категории молитвы в поэзии Пушкина, установлением ее значения, роли, способов эстетической и семантической репрезентации в поэтических текстах Пушкина, что обуславливает **теоретическую значимость** работы. Выявление категориальной широты молитвы в поэзии Пушкина, установление глубинного влияния на нее священного Писания и святоотеческого Предания (в аспекте гимнографического, литургического творчества) должны позволить скорректировать и дополнить представления о поэтике Пушкина.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее материалов, положений и результатов исследования в практике школьного и вузовского преподавания литературы: в курсе истории русской литературы XIX века, в спецкурсах и спецсеминарах по русской поэзии XIX века, творчеству Пушкина. Материалы диссертации могут выступить основой для подготовки аналитических сообщений и учебных пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. *Категория молитвы* в поэзии Пушкина генетически связана с гимнографическим творчеством и православным богослужением, что, с одной стороны, способствует сакрализации и универсализации поэзии Пушкина, а с другой стороны, приводит к формированию индивидуальных свойств его поэтики.

2. Являясь феноменом религиозно-эстетического ряда, *молитва* в поэзии Пушкина отражает устойчивое стремление поэта выражать богооткровенные истины с помощью художественно-образного языка.

3. «Молитвенное» слово в поэзии Пушкина способствует совершенствованию ее формы, движущейся от эмоционально-чувственного к духовно-аскетическому мироосмыслению, от живописной изобразительности слова к иконической ясности и иератизму; от европейского стиле- и формотворчества к содержательной глубине святоотеческого наследия.

4. *Категория молитвы* в поэзии Пушкина наряду с такими субстанциальными элементами, как *храм* и *икона*, способствует образованию храмово-литургической структуры текста, обнаруживающей глубинную связь поэзии Пушкина с церковным преданием.

5. Широта мотивно-тематического диапазона «молитвенного» слова в поэзии Пушкина отражает весь спектр душевных движений: сетование, радость, восторг, хваление, самопознание, скорбь. Наиболее репрезентативны из поэтических молитв Пушкина — покаянная, просительная, благодарственная, благословляющая.

6. Включение Пушкиным *молитвы героя* в поэтические тексты является показателем живой связи персонажей с христианской (православной) аксиологией, определяющей их мировосприятие. Самоанализ пушкинского героя ведет его не к раздвоенности рефлектирующего сознания, а, напротив, к восстановлению онтологической целостности души.

7. *Категория молитвы* актуализирует в тексте такие родственные ей категории, как *литургичность, соборность, христоцентризм, умиление, преображение*, определяющие специфику поэтики пушкинских произведений.

Достоверность результатов и обоснованность выводов исследования обеспечивается привлечением как разнородного поэтического, так и текстологического материала (черновые варианты редакций), пушкинской графики, а также применением комплексной методологии его изучения.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на Межвузовской научно-практической конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, 2007, 2008), Международной научной конференции «Духовная традиция в русской литературе» (Ижевск, 2008, 2011), Республиканской научно-практической конференции: IV Рождественские чтения «Традиции и перспективы духовно-нравственного образования» (Ижевск, 2011), XVI Международной научной конференции «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург, 2011), XI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») (Великий Новгород, 2011). Материалы диссертационного исследования обсуждались на методологическом семинаре «Онтология и поэтика Традиции: язык и текст» (Ижевск, 2011, 2012, 2013), на заседании кафедры истории русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Задачами и целями, поставленными в исследовании, определяется **структура работы**. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список источников, список словарей и библиографический список. **Общий объем** диссертации составляет 236 страниц, основная часть изложена на 188 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет и материал исследования, формулируются

цель и задачи исследования, раскрывается его научная новизна, обосновываются теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе — «Теоретико-философские, богословские, историко-литературные аспекты в изучении поэзии А. С. Пушкина» — представлен аналитический обзор теоретико-философских, богословских и историко-литературных работ о русской классической поэзии; обозначены теоретические аспекты в исследовании молитвы как филологической категории, в связи с чем сделан обзор пушкинианы в аспекте изучаемой проблемы. Рассмотрение этих вопросов имеет целевое назначение и служит базой для изучения функций и семантики молитвы в поэзии Пушкина, систематизации исследуемых поэтических текстов.

В первом параграфе — «Духовные истоки русской классической поэзии» — рассматривается влияние Священного Писания и гимнографии на русскую классическую поэзию.

Рождение и развитие русского книжного слова в недрах единой церковной словесности на протяжении семнадцати веков сформировало ее как феномен особого порядка, как мировоззренчески-эстетическую целостность, исторически связанную с православной культурой. Разделение русской литературы на церковную и светскую в XVIII веке разветвило некогда единый путь развития, но не уничтожило корневую систему, восходящую к греко-византийскому источнику. Церковнославянский язык представляет собой неотъемлемую часть богослужебной традиции Русской Православной Церкви. Гимнография (греч. «песнотворчество») как вид духовного творчества оказала значительное воздействие на классическую русскую поэзию. Высокая духовность содержания, возвышенная поэтичность и молитвенная выразительность богослужебных песнопений вдохновляли на творчество многих поэтов классического периода развития русской словесности.

Во втором параграфе — «Молитва в свете православного учения» — *молитва* рассматривается как важнейший аспект религиозной практики.

Аскетическое предание христианского Востока называет *молитвой* «возношение ума и сердца к Богу», а занятие молитвой — высшим занятием для ума человеческого (свт. Иоанн Златоуст, прп. Иоанн Лествичник, прп. Макарий Великий, свт. Феофан Затворник и др.). *Молитва* дана человеку в богооткровенном Священном Писании (Втор. 6:5; Мк. 12:30 и др.). *Молитва* предполагает прежде всего интенцию, т.е. душевное,

умственное, сердечное движение, цель которого есть достижение открытости Богу и готовность воспринять Его ответное воздействие.

В третьем параграфе — «Русская поэзия XVIII–XIX веков (предпушкинская и пушкинская эпохи)» — представлен обзор историко-культурных обстоятельств и собственно литературных условий, в которых формировалась русская классическая поэзия XVIII–XIX веков.

Характерной чертой русской классической поэзии является ее генетическая связь с религиозным строем русского бытия; русская классическая поэзия несет в себе содержательное ядро православной традиции (мироощущение, тематика, проблематика, символика и т.д.).

Поэзии XVIII века свойственно выражать преимущественно ветхозаветную религиозность: здесь разрабатываются темы православной антропологии, мотивы страдания, любви, греха, покаяния, поднимаются вопросы религиозно-нравственного преображения личности (Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский и др.). В лирике поэтов XIX просматривается любопытная ситуация: с одной стороны, актуализируется новозаветная направленность, а вместе с ней в поэзию входит «человек внутренний» и его духовные (в том числе религиозно-мистические) устремления; с другой стороны, *соборность* (И. А. Есаулов) в мироощущении сменяется индивидуальным опытом постижения мира и человека, вследствие чего в поэзии наблюдается процесс «размельчения», разветвления тематики, осложнения мысли и чувства полутонами личностного художественного решения (К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Хомяков, А. А. Фет, А. Н. Майков и др.). В качестве высшей задачи русские поэты XIX века ставили поиск способов передачи молитвенных переживаний, феномена Богообщения в поэтическом слове. Основными мотивами художественно-поэтических молитвословий становятся покаяние, прошение, молитвенное созерцание, поиск верного пути, стремление к совершенствованию, благодатному единению с Богом.

В четвертом параграфе — «Молитва как категория поэтического творчества А. С. Пушкина» — обозначены теоретические аспекты в исследовании *молитвы* как филологической категории.

Включение *молитвы* в ткань художественного текста характерно для поэзии Пушкина, что уже неоднократно отмечалось учеными (В. В. Лепахин, Т. Г. Мальчукова, В. С. Непомнящий, М. А. Новикова, В. П. Старк, И. З. Сурат, И. Ю. Юрьева и др.). Как правило, исследователями комментируются те пушкинские стихотворения, в которых превалируют церковнославянизмы и библейская образность («Пророк», «Воспоминание» и др.), творчество поэта 1830-х годов, в частности стихотворение «Отцы

пустынники и жены непорочны...»; или же изучаются произведения Пушкина, обращенные не столько к поэтической молитве как таковой, сколько к реминисценциям отдельных библейских сюжетов, ветхозаветным и новозаветным переложениям.

Обширный круг поэтических произведений Пушкина, объединенных «молитвенной» поэтикой, многофункциональность, широкая репрезентативность этого явления позволили нам рассмотреть *молитву* в поэзии Пушкина как *особую филологическую категорию*. Термин «категория» (греч. «обнаружение», «признак») нами понимается в предельно общем значении слова, как научное понятие, выражающее наиболее общие свойства, связи явлений действительности.

Молитва у Пушкина рассматривается нами как явление религиозно-эстетического порядка, непосредственно связанного с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности, как словесное прошение или благодарность Богу самого поэта или героя, обращение к небесному заступничеству, помощи святых и т.д., зачастую сопровождаемое внешними сакральными действиями: крестным знамением, поклонами, крещением иконой, кроплением святой водой. Будучи литературным явлением, поэтическая молитва в то же время определяется семантикой, формой, языком сакрального христианского текста (гимнографического, святоотеческого). Художественная реализация *молитвы* в поэзии Пушкина зависит от установки — кто молится: сам поэт или герой (герои). В связи с этим в произведениях нами различается *молитва поэта* (Пушкина) и *молитва героя*.

В пятом параграфе — «Поэзия А. С. Пушкина в критике и литературоведении» — представлен обзор пушкинианы в аспекте изучаемой проблемы.

Критики-современники Пушкина обращали свое внимание на оригинальность его поэзии, опирающейся на национальные истоки (П. А. Вяземский, И. В. Киреевский, Н. В. Гоголь и др.). Но, Гоголь, в отличие от Киреевского и Вяземского, воспринимал Пушкина как национального поэта, свободного от подражательности уже в самом начале своей творческой деятельности. В критике середины XIX века представления о Пушкине как национальном поэте, отразившем душу народа, ее наиболее значимые субстанциальные свойства, получают дальнейшее развитие (А. А. Григорьев, И. С. Аксаков и др.). С 1850-х годов начала проявляться тенденция изучения биографии и творчества Пушкина в широком контексте эволюции его мировоззрения, изменений в личной и общественной жизни (П. В. Анненков и др.).

В советский период исследования поэзии Пушкина ведутся в области текстологии, лексикологии, стилистики, компаративистики. Многие труды, созданные в это время, стали источниковедческой базой для последующего изучения поэзии Пушкина. Пушкиниана Зарубежной России была нацелена на постижение духовного пути поэта. Ее представителям удалось всеобъемлюще взглянуть на национального поэта «с другого берега» (М. О. Гершензон, И. А. Ильин, С. Л. Франк и др.). Идеологический запрет на изучение «религиозной проблематики» в отношении к русской классике стал ослабевать в 1970–1980-е годы. С этого времени в отечественном литературоведении «реабilitируются» категории традиции и предания, наблюдается процесс постепенного и последовательного возвращения ученых к осознанию необходимости объективного изучения поэтического наследия Пушкина, что невозможно без обращения к православной традиции (Т. Г. Мальчукова, В. С. Непомнящий, И. З. Сурат и др.).

Во второй главе диссертации — «Молитва поэта: богообщение в системе художественно-образного языка» — рассматриваются *молитвы поэта*, включенные в лирические произведения Пушкина, изучается характер молитв, выделяются их репрезентативные типы с учетом специфики понятия «молитвы» как религиозно-эстетического феномена. Анализ функций и семантики *молитв поэта* позволяет определить генетические и типологические особенности воплощения молитвы и тем самым раскрыть специфику отражения православной аксиологии, проследить жанровые и стилевые предпочтения Пушкина в отношении к категории молитвы, увидеть динамику эволюции «молитвенных» текстов.

В первом параграфе — «Молитва в дружеской лирике А. С. Пушкина: дружество как братство» — изучаются послания поэта к друзьям, включающие молитву.

Обращение к *молитве* зарождается и появляется у Пушкина в дружеской лирике. Стихотворения «Разлука» (1817), «Чедаеву» (1821), «Мой первый друг, мой друг бесценный» (1826) включают в себя *просительную молитву*, стихотворение «19 октября 1827 года» имеет соответствие с *молитвой* из богослужения, а *молитва* в стихотворении «Он между нами жил...» (1834) восходит к евангельскому молитвословию.

В посланиях поэта к друзьям, включающих *молитву*, дружество понимается как духовное братство в свете идеи милости, взаимности. Основа истинного дружеского союза, как его понимал Пушкин, — евангельская любовь и духовное родство, что соответствует православно-христианскому пониманию мироустройства.

Молитва за других, входящая в послания Пушкина к друзьям, непосредственно проявляет свое *соборное начало*. Здесь *категория молитвы* сопряжена с *категорией соборности*: у Пушкина *соборное* и *святое* единение друзей становится потенциально возможным и благодатным единением людей, где основой «прекрасного союза» являются чувства любви и сострадания к другому человеку.

Во втором параграфе — «Молитва и «духовная составляющая» образа возлюбленной в лирике А. С. Пушкина» — рассматриваются функции и семантика молитв в стихотворениях Пушкина, посвященных женщине.

В стихотворениях Пушкина, обращенных к женщине и включающих *молитву* поэта, актуализируется мотив одухотворения любовного чувства в свете христианского восприятия красоты. Поэтические «молитвословия» Пушкина оказываются созвучны святоотеческой традиции. «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» (1827) Пушкина является своеобразной рецепцией гимнографического творчества, проявившейся на уровне семантики, символики и поэтики пушкинского слова; он ориентирован на жанр церковной поэзии — акафист. В стихотворениях «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829) и «К***» (1832) представлена молитва-благословение, в сонете «Мадона» (1830) — молитва-благодарение, в стихотворении «Красавица» (1832) — молитва-созерцание. В этих произведениях обнаруживается соотнесенность с языковыми, синтаксическими и стилистическими приемами гимнографических текстов (акафиста, канона, стихир). Героиня пушкинских стихотворений осознается как божественное создание и сакральный образ.

Описание красоты сопряжено с духовным уровнем, при котором раскрывается ее внутренний смысл, идея. Именно такое понимание восприятия красоты отражено в богослужебной и святоотеческой литературе, где красота есть свойство не столько эстетического, сколько духовного ряда. В «молитвенных» стихотворениях Пушкина, посвященных женщине, сильнее всего звучит мотив одухотворения любовного чувства, проявляющегося через *категорию умиления*.

В третьем параграфе — «Молитва в стихотворениях А. С. Пушкина о поэте и смысле творчества» — прослеживаются процессы становления «божественного глагола» в поэзии Пушкина под влиянием ее «*молитвенного*» строя.

Особенной чертой стихотворений о творческом предназначении является устремленность поэта к иному миру — миру Горнему. В произведениях Пушкина выстраивается путь удаления от «толпы» к

уединению, к поиску покоя и гармонии, «звуков сладких и молитв», что становится возможным через поэтическое созерцание («Пророк» (1826), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830) и др.); прослеживается семантическая связь с христианским текстом.

Тема о предназначении поэзии и смысле творческого дара в этих произведениях Пушкина сопряжена с идеей синергии, или сотворчества Бога и человека. Здесь художественная образность тесно связана с православной антропологией: поэт несет в себе особый Божий дар свыше — дар «внимать» гласу Божию («жги сердца людей», «божественный глагол», «божественный художник», «его святая лира», «чувства добрые я лирой пробуждал», «памятник нерукотворный» и др.).

В четвертом параграфе — «Динамика становления молитвы как религиозно-эстетического явления в лирике А. С. Пушкина» — анализируется корпус стихотворений, имеющих в своем составе *молитву* и истолковывающихся в пушкиноведении, как правило, в биографической проекции.

В лирике наблюдается постепенное усиление обращений поэта к молитвенной тематике. В ряде стихотворений *молитва* проявлена косвенно: из самого контекста подразумевается присутствие молитвы в сознании и сердце поэта. Это молитвенное состояние — чувство к Богу, размышление о Божьем величии, Божьем творении — подтверждается контекстными перифразами из псалмов, входящих в богослужение (50-й псалом о покаянии и «Воспоминание» (1828), 103-й о первотворении мира и «Кавказ» (1829) и др.). В текстах Пушкина раскрывается личностное переживание молитвенных тем: склонность к уединению и устремление к Богу («Монастырь на Казбеке» (1829)), духовное осмысление пейзажа южного края («Кавказ»), ощущение своей (Пушкина) греховности, познание греха и «трезвение ума» («Воспоминание», «В начале жизни школу помню я...» (1830)). Сначала молитва в пушкинских текстах встречается как воззвание к небесному покровительству (ранняя лирика), затем она звучит в покаянном регистре («Воспоминание», «Воспоминания в Царском Селе» (1828–1829) и др.), иногда в унисон с темой уединения, поиска спасительного пути («Странник» (1835) и «Чудный сон мне Бог послал...» (1835)). Стихотворение «Перед гробницею святой...» (1831) представляет собой храмово-литургическую структуру, где поэт сообщает о себе как участнике православного богослужения. Траектория творческого пути Пушкина очевидна: она движется от стилевых исканий к постижению глубин церковной поэзии и православно-христианской образности.

В пятом параграфе — «Молитва в последнем лирическом цикле А. С. Пушкина: гимнографический аспект» — обобщается опыт изучения каменноостровского цикла и с новых позиций рассматриваются отдельные пушкинские тексты 1836-го года.

Генетической и типологической особенностью воплощения *молитвы* в стихотворениях последнего лирического цикла Пушкина является смысловая и лексическая связь поэтического слова с гимнографическими и святоотеческими текстами.

Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны...» рассматривается в тесном единстве (нераздельности) с рисунком, помещенным в рукописях поэта после автографа стихотворения. Здесь наблюдается всеобъемлющее проявление категории молитвы: поэтическое слово напрямую восходит к богослужебной молитве, а рисунок является иконической реализацией образа старца-молитвенника. Пушкинский триптих выражает своеобразное восхождение человеческого духа к *молитве* и *бogoобщению*.

При изучении «(Подражания Италиянскому)» существенно конкретизируются возможные гимнографические источники текста: стихотворение рассматривается в связи с мотивом предательства (предательства лобзанием), являющимся одним из акцентных мотивов в песнопениях Великого Четверга и Великой Пятницы Страстной Седмицы (стихиры). В этом произведении Пушкин поэтически представляет участь нераскаянной души на самом трагическом примере в истории человечества.

В стихотворении «Мирская власть» структурообразующими факторами текста становятся евангельская проблематика и образность (Распятие, Крест). Наряду с изображением Распятия Господа стихотворение содержит в себе и *пасхальные мотивы*: за крестными Страданиями Христа следует Его Воскресение. Связанность и последовательность этих событий наиболее ярко проявляется в песнопениях на Святую Пасху, входящих в Цветную Триодь (пасхальные тропарь, стихиры, канон).

В третьей главе — «Герой и молитва в поэзии А. С. Пушкина» — рассматриваются *молитвы героев* в поэзии Пушкина: изучается характер молитв, выделяются их репрезентативные типы с учетом святоотеческого учения о молитве. С помощью анализа функций и семантики *молитв героев* определяются генетические и типологические особенности включения *молитвы*; раскрывается специфика отражения православной аксиологии через формы, язык и характер воплощения *молитвы героя* в пушкинском тексте, а также через личное отношение к молитве самого героя (героев).

В первом параграфе — «Молитва в сюжетной ситуации героя» — исследуется *молитва* как неотъемлемое средство характеристики героя, имеющее большое значение и для сюжета всего произведения.

Введение *молитвы героя* в поэтические тексты характерно уже для самых ранних произведений Пушкина, где молитва тесно связана с мотивом уединения. В произведениях «Монах» (1813) и «Русалка» (1819) сила и действие *молитвы* поэтом не умаляются: молитва к Богу помогает героям-отшельникам преодолеть искушения.

Через *молитву* Пушкин показывает особое лирическое переживание героев: борьбу с нечистой силой («Монах», «Русалка»), желание спасения души («Вечерня отошла давно...» (1823), «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), «На Испанию родную...» (1835)). Специфика создания *молитвенной ситуации* заключается в том, что она обрамляет сюжетную линию персонажа, нередко восходящую к топосу житий.

Идейно-смысловой кульминацией поэмы «Братья разбойники» (1821–1822) является *молитвенное прошение* младшего брата за невинного старика, мольбами которого можно смягчить Божий гнев. Не случайно в завершении рассказа старший разбойник возвращается к моменту жестокого убийства старца и прошению младшего брата о милости к старику: так Пушкин в финальных строках своей поэмы еще раз акцентирует духовную проблематику произведения.

Во втором параграфе — «Молитва героини» — рассматривается образ *молящейся героини*, являющийся лейтмотивным в целой группе произведений Пушкина.

Образ героини, обращающейся с молитвой к Богу, включен в основные программные поэтические произведения Пушкина. В этих текстах выстраивается явная закономерность: с *молитвой к Богу* обращаются героини, поступки и действия которых находятся в христианской ценностной парадигме — красоты души, доброты, прощения, милости. Эти героини дарят, жертвуют, помогают, смиренно терпят превратности судьбы. Само обращение к *молитве* характеризует героиню как носительницу христианского сознания: скорбно-сердечную молитву возносит «дева юная» в стихотворении «Безверие» (1817), умоляет Бога о прощении грехов отца «прекрасная» дочь в стихотворении «Дочери Карагеоргия» (1820), главная героиня молится о своем спасении в поэме «Бахчисарайский фонтан» (1822–1823) или о спасении души другого в поэме «Анджело» (1833). В рассмотренных текстах проявляются «ангеличность», над-мирность образа героини, в создании которого *категория молитвы* играет ведущую роль.

В «Евгении Онегине» (1823–1832) к молитве прибегают Татьяна Ларина и няня. «Молитва» как субстанциальное свойство русской национальной души объединяет этих двух героинь. *Молитва-благословение* няни во время ночного разговора становится одним из ключевых эпизодов в сюжетной линии Татьяны Лариной. В «личном» сюжете Татьяна через молитву соединяется с соборной душой народа.

В рукописях романа в стихах, относящихся к маю 1823 года, встречаются перерисовки молящихся женских фигур: женщины, молящейся на коленях, и женщины с крестом в руках. Живописный образ и поэтическое слово у Пушкина идут рука об руку: сопоставление данных рисунков, предваряющих сюжет произведения, с образом Татьяны Лариной свидетельствует, что *молитвенная тема* и *молитва героини* осознанно и осмысленно вводятся в поэтическую ткань произведения.

В третьем параграфе — «Молитва-благословение и молитва-благодарение в военно-исторической поэзии А. С. Пушкина» — исследуются *молитвы героев* в военно-исторической поэзии Пушкина.

Молитва-благословение и *молитва-благодарение*, восходящие к гимнографическому творчеству, как внутритекстовые элементы поэзии Пушкина являются словесным (вербальным) выражением национального духа русского народа, его православного сознания. Появление этих типов *молитв* отмечается в военно-исторической поэзии Пушкина; находясь вблизи смертельной опасности, герой обращается к Богу как к последней надежде. По учению Церкви, дело защиты родины и веры — дело благодатное, достойное почести и похвалы, связанное с подвигом мученичества.

В поэтических произведениях Пушкина обнаруживаются царское благословение («Полтава» (1828)), отцовское благословение («Гречанка верная! не плачь...» (1821)), воинская благодарственная молитва («Кавказский пленник» (1821), «Попутный веет ветер. — Идет корабль...» (1829)). Герой в этих текстах по-христиански ожидает Божьей милости: молитва для персонажа может быть фактом ощущения благодатного состояния, истинной веры в Бога как источника спасения души (помощи), молитва укрепляет силы и боевой дух. В стихотворении «Бородинская годовщина» (1831) воссоздается образ графа-полководца А. В. Суворова: в изображении Пушкина Суворов — сакральная персона, благословляющая Отечество и царя. Пушкин измеряет историческое событие сакральными смыслами: внешнее поражение может свидетельствовать о внутренней победе (Кочубей и Искра, «Полтава»). Такое переосмысление героического достигается Пушкиным в контексте его культурно-генетической связи с историческим Православием.

В четвертом параграфе — Сюжет молитвенного противостояния злой силе в «Песнях западных славян» А. С. Пушкина — рассматриваются функции и семантика *молитв героев* в «Песнях западных славян» Пушкина.

Реконструируя народное сознание с присущим ему христианским типом мировосприятия, Пушкин органично вводит в художественную ткань «Песен западных славян» (1834) *молитвы героев*. Земной мир воспринимается персонажами песен как Творение Божие, и в этом Мироздании жизнь и судьба каждого человека подчиняется Промыслу Бога. Всякое нарушение божественной гармонии в мире людей невольно рождает в душах героев страх перед Творцом, веру, *желание помолиться Богу*, чтобы Он помиловал и спас от клеветы (4-я и 14-я песни), беды (1-я, 2-я, 3-я, 6-я, 7-я, 12-я песни), болезни (8-я песнь), смерти (1-я, 2-я, 4-я, 6-я, 14-я песни), различных искушений, испытаний (8-я, 13-я, 14-я песни). Воздействию злой (нечистой) силе в цикле противостоит необыкновенная сила молитвы.

С *молитвой к Богу, Богородице, святым* в «Песнях западных славян» обращаются разные персонажи: король, воины, простые люди, дети. Ставя героев в пограничную ситуацию, Пушкин не стремится закончить сюжет счастливым концом: трагичность бытия сопрягается с жизнеутверждающими мотивами, восходящими к идее бессмертия человеческой души.

В пятом параграфе — «Молитва как универсалия идеального бытия в сказках А. С. Пушкина» — исследуется художественное воплощение *молитвы* в пушкинской сказке.

Молитва героя в сказках Пушкина становится способом осуществления благодатного чуда в его христианском понимании («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831) и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833)). По молитвам и истинно добрым устремлениям героев совершаются сказочные (чудесные) явления («чудный город», оживление, спасение от смерти и др.). В этом случае молитва выступает универсалией идеального бытия. Чудесное в сказках под действием *молитв персонажей* становится *христоцентричным*: чудо осмысливается как заслуженное героями, стремящимися к осуществлению Божьего образа в человеке.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833) *молитва героя* (рыбака) становится завязкой сюжетного хода, *молитвенный мотив* проходит через композицию всего произведения. Но в этом тексте изображается совсем иной мир — мир, не принимающий благословения (благодатного чуда): чудесно

обретенное и несправедливо (пристрастно) использованное богатство, чин и власть у героев вскоре отнимаются.

Утрату героем доброго начала, его влечение к греху Пушкин осмысляет в «Сказке о золотом петушке» (1834). Царь Дадон искушается ложными чудесами, обольщениями. Жизнь не по совести разрушает целостность мировосприятия героя и исключает саму возможность обращения к просительному молитвенному слову: *молитва*, поначалу разрабатывавшаяся Пушкиным в черновиках этой сказки, в итоге отвергается им как несоответствующая устроению героя (алчного и злого).

В **заключении** подводятся итоги изучения категории молитвы в поэзии Пушкина и намечаются дальнейшие перспективы исследования в русле данной проблематики.

Результатом представленного диссертационного исследования явились следующие выводы.

Художественная система Пушкина-поэта отражает глубинные основы православного мировосприятия. Истоки пушкинского поэтического дара обнаруживаются, прежде всего, в стихии народной поэзии, а именно, в эпической и лирической, присущей древнерусской словесности, освещенной христианскими идеалами и имеющей установку на теозис (обожение, преображение) человека. Не случайно исследователи, занимающиеся изучением православного подтекста художественного творчества Пушкина как особого предмета анализа, приходят к выводу о невозможности объективного описания его поэтики вне религиозного контекста. Христианская традиция проявляет себя в поэтике произведений Пушкина полно и всесторонне.

Категория молитвы в поэзии Пушкина, генетически связанная со Священным Писанием, гимнографической традицией и святоотеческим Преданием восточной православной Церкви, является фактором, соединяющим в поэтическом тексте духовный и эстетический потенциал слова. Пушкин осознает *поэтическую молитву* в свете православной каноники как небесную «вертикаль», связующую человека с Богом, и находит возможность поэтического изображения этого таинственного диалога. Онтологическая природа молитвенного слова придает поэзии Пушкина универсальный бытийный смысл. Пушкинская поэтическая молитва включает в себя ключевые для христианства онтологические, историософские, гносеологические и этические основания.

Молитва представлена практически во всех поэтических жанрах Пушкина: в стихотворениях (дружеских посланиях, сонете, песнях, эпитафии и др.), поэмах, романе в стихах сказках. В пушкинских текстах

обнаруживаются **молитвы поэта** за друзей, возлюбленную женщину, встречаются покаянные молитвы, индивидуально-авторское переложение; **молитвы героя**: монаха, священника на церковном Таинстве, кающегося грешника, ребенка, царицы, рыбака, разбойника, селянина на кладбище, молитва взрослого за ребенка, молитва как царское благословение, отцовское благословение, родительская молитва-благословение, воинская благодарственная молитва и другие. В некоторых произведениях Пушкин художественно воссоздает молитвенное состояние, ситуацию (условие) обращения героя (героини) с молитвой к Богу. Поэт представляет как молитву исторической личности, так и вымышленных эпических персонажей. Молитва в произведениях Пушкина может проявляться и косвенно, через контекст, указывающий на присутствие молитвы в сознании, сердце героя или поэта. Так, в автобиографических стихотворениях он отдает предпочтение именно такой *молитве*, где описываются внутренние переживания души: покаяние, сокрушение, желание очистить душу (совесть) от греха, желание уединения, вера и доверие Промыслу Божьему.

Репрезентативными типами *молитв* у Пушкина являются *молитва-покаяние*, *молитва-прошение*, *молитва-благодарение*, *молитва-благословение*; эти типы *молитв* отражаются во всем корпусе его «молитвенных» текстов, в том числе в черновых вариантах. *Покаянные молитвы поэта* чаще всего встречаются в автобиографических стихотворениях; *просительные* представлены, в основном, в посланиях Пушкина к друзьям; *молитва-благодарение* и *молитва-благословение* переданы в стихотворениях, посвященных женщине. В текстах, содержащих *молитву героя/героини*, представлены *покаянные*, *просительные*, *благодарственные* разновидности молитвословий.

В рассмотренных стихотворениях дружбу, женскую красоту и взаимоотношения людей вообще Пушкин воспринимает в аспекте христианского миропонимания. Художественная образность здесь строго соотносится с православной антропологией, а семантика — с гимнографическими текстами, псалмами. Именно в «молитвенной» лирике Пушкина раскрывается личностное переживание «молитвенных» тем: стремление к идеалу «*прекрасного дружеского союза*» (братства по духу) и встреча с идеалом «*благообразной красоты*» (одухотворенной, святой красоты женщины). Смысл поэтического творчества Пушкиным понимается в связи с идеей промыслительности человеческих путей, принятия поэтом свыше назначенного поэтического дарования. Так, в поэзии Пушкина на пути от ученичества к зрелости возрастает число стихотворений высокого, духовного содержания; меняется само мироотношение поэта: в поздней

поэзии Пушкина начинают интенсивнее звучать покаянные мотивы. Идея примирения с Богом, осознанная как «покой и воля», становится основой миропонимания позднего Пушкина.

Молитвы героя в поэзии Пушкина играют по преимуществу оценочно-смысловую и композиционную роль. Герои поэтических произведений Пушкина характеризуются в зависимости от их отношения к молитве, способствующей *глубокому* раскрытию их внутреннего мира. Характерной чертой поэтического творчества Пушкина становится нарастающий интерес к судьбе героя, способного внутренне изменяться, совершенствоваться перед лицом драматических событий. Первостепенное значение для Пушкина приобретает поэтизация коренных духовных начал человеческой личности, основывающихся на евангельских заповедях о смирении, кротости, прощении и любви.

Включение в поэтический текст молитвы позволяет Пушкину глубже раскрыть не только мироотношение молящегося (самого поэта или героя произведения), но и показать формы самопознания души и сам путь, ведущий личность к богопознанию. Как наивысшая из возможных добродетелей и главное духовное (умное) делание христианина молитва фокусирует в себе парадигмальные представления соборного сознания, связанного с утверждением связи Бога и человеческой души.

Исследование художественного воплощения *молитвы* в поэзии Пушкина позволяет определить, что постепенно в творчестве поэта происходит смена изобразительной парадигмы: от принципов живописания к принципам иконичности. В поэтический язык Пушкина обширно входит аскетическая традиция — ее символика, словарь, мелодика. Все это способствует переводу поэзии Пушкина в другой, более глубокий регистр звучания, что обнаруживается в устремленности Пушкина к духовно-аскетическому мироосмыслению и отказу от эмоционально-чувственного восприятия. Семантика, образность и церковнославянский язык богослужебных текстов способствуют символизации стихотворений, что дает возможность поэту дистанцироваться от выражения глубоко личных мыслей и чувств от первого лица. Такой вариант обращения к *молитвам* (псалмам, входящим в богослужение; евангельским событиям, отраженным в церковных песнопениях и литургической поэзии) возводит поэтическое слово на высокий уровень обобщения, обогащает его изобразительно-выразительной стройностью, сообщает семантическое, а в отдельных случаях, и жанровое родство с церковной гимнографией.

Молитва в поэтическом творчестве Пушкина соприсутствует с такими субстанциальными элементами, как храм и икона, формируя тем самым

храмово-литургическую структуру текста, изначально присущую древнерусской словесности. Православная традиция у Пушкина обладает способностью «прорасти»: даже в ранних поэтических произведениях Пушкина сквозь толщу различных смыслов и стилей нередко проявляется *храмово-литургическая доминанта*. Одно молитвенное поэтическое слово или фраза Пушкина оказывается способным перевести поэтический текст в особый регистр — *литургического звучания*.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения поэзии Пушкина в контексте православной традиции как основы отечественного культурогенеза, а именно, в тесной связи с различными жанрами церковно-гимнографического творчества, что позволяет значительно расширить и углубить прежние представления о поэтике Пушкина.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Кучина Е. А.* Тема творчества в молитвенной лирике А. С. Пушкина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: Научный журнал. Серия Филология. СПб., 2011. № 4. Том 1. С. 252–254. (0,2 п. л.).
2. *Кучина Е. А.* Молитва в лирике А. С. Пушкина: дружество как братство // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 3 (93). С. 19–24. (0,5 п. л.).
3. *Кучина Е. А.* Молитва героя как внутритекстовый элемент поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: Научный журнал. Серия Филология. СПб., 2012. № 4. Том 1. С. 7–12. (0,5 п. л.).
4. *Кучина Е. А.* Молитва и «духовная составляющая» образа возлюбленной в лирике А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Выпуск 8 / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск; М., 2013. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Выпуск 11). С. 56–67. (0,6 п. л.).

Публикации в других изданиях:

5. *Кучина Е. А.* Молитва в лирике А. С. Пушкина // XXXV итоговая студенческая научная конференция: Материалы конференции. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. С. 226–228. (0,2 п. л.).

6. Кучина Е. А. Детская молитва и молитва за детей в лирике А. С. Пушкина // XXXVI итоговая студенческая научная конференция, посвященная 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства: Материалы конференции. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 277–280. (0,3 п. л.).

7. Кучина Е. А. Молитвословия в лирике А. С. Пушкина // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы XI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 91–94. (0,25 п. л.).

8. Кучина Е. А. Молитвы в лирике А. С. Пушкина // Пушкинские чтения–2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой текст: Материалы XVI международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. С. 23–29. (0,25 п. л.).

9. Кучина Е. А. Дружество как братство в молитвенной поэзии А. С. Пушкина // Пушкин и его современники: версия молодых: альманах. Выпуск 2 / под ред. С. Н. Пяткина. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 11–29. (0,85 п. л.).

10. Кучина Е. А. «Чистая любви молитва»: два молитвенных стихотворения А. С. Пушкина // Онтология и поэтика Традиции: язык и текст. Сборник научн. стат. / отв. ред. Г. В. Мосалева. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. С. 127–133. (0,3 п. л.).

11. Кучина Е. А. Молитва как универсалия идеального бытия в художественном мире сказки А. С. Пушкина // Пушкин и его современники: версия молодых: альманах. Выпуск 3 / под ред. С. Н. Пяткина. Саранск, 2013. С. 3–16. (0,7 п. л.).

12. Кучина Е. А. Молитва-благословение и молитва-благодарение в военно-исторической поэзии А. С. Пушкина // Духовная традиция в русской литературе / научн. ред., сост. Г. В. Мосалева. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2013. С. 195–210. (0,7 п. л.).